PG 3361
.S36P64
1822

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

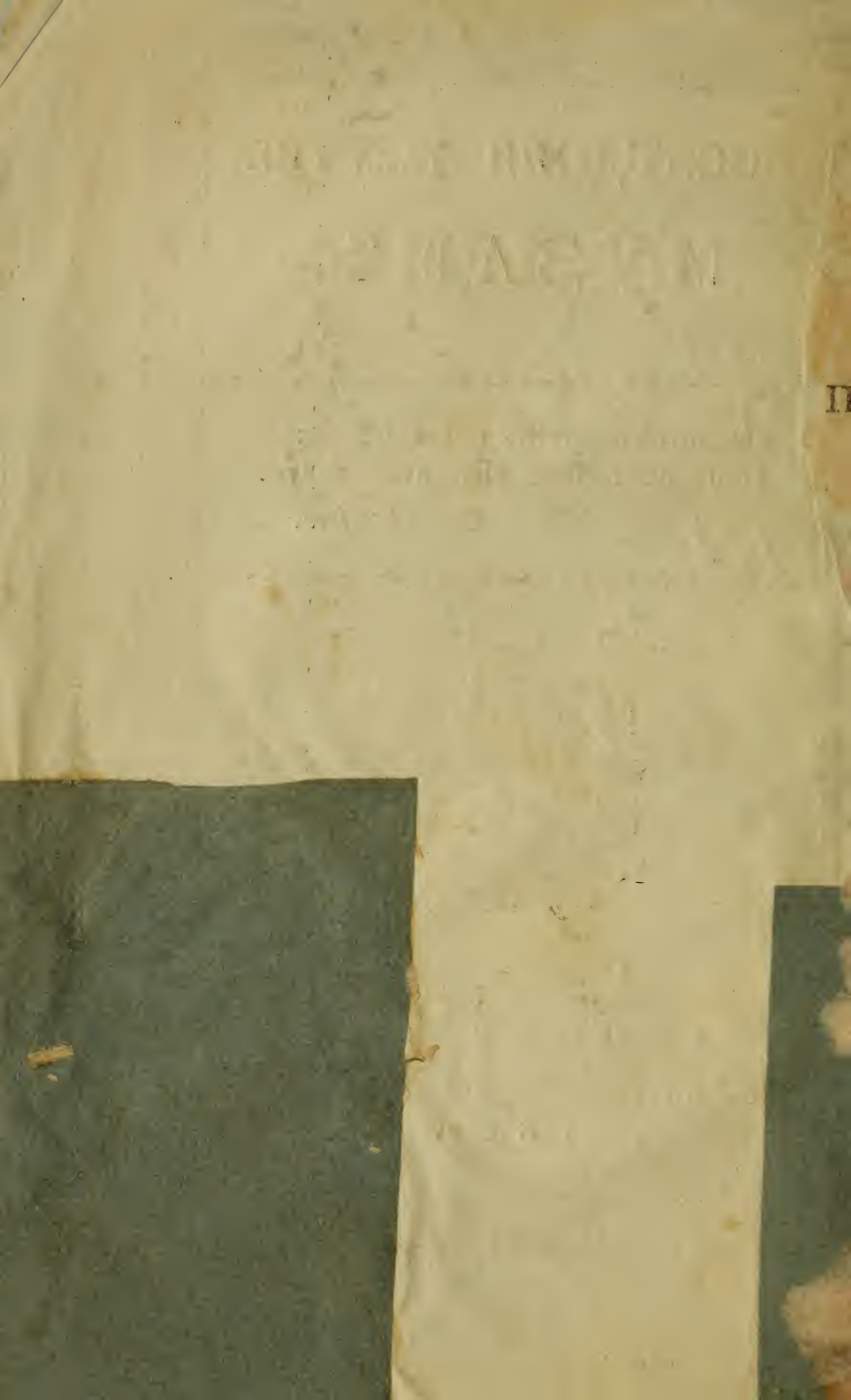
Class PGR 2197
Book S 44
P
YUDIN COLLECTION

ПОСЛѢДНЯЯ ЖЕРТВА МУЗАМЪ.

Ne forçons point notre talent:
Nous ne ferions rien avec grace.

Lafontaine.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1822.



ОСЛѢДНЯЯ ЖЕРТВА

МУЗАМЪ.

ПОСЛѢДНЯЯ ЖЕРТВА

МУЗАМЪ.

Poslednaia zhertva muzam

Ne forçons point notre talent:
Nous ne ferions rien avec grace.

Lafontaine.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1822.

PG3361
S36P64
1822

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва. Октября 12 го дня 1822 года. *Ординарный Профессоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Алексѣй Мерзляковъ.*

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ,

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ

КНЯЗЮ

АНДРЕЮ ПЕТРОВИЧУ

ОБОЛЕНСКОМУ.

Изліяніе чувствованій, внушаемыхъ благодарностію, есть моральная потребность.

Я бы могъ, я бы долженъ былъ изобразить въ живыхъ чертахъ все то, чѣмъ я обязанъ Вашему Сіятельству; но извѣстная мнѣ скромность Ваша не дозволяетъ сердцу моему предаться всѣмъ своимъ чувствованіямъ.

Окажите, Ваше Сіятельство, новое снисхожденіе ко мнѣ благосклоннымъ принятіемъ *Послѣдней жертвы Музамъ* и первой дани, приносимой Вамъ передъ свѣтомъ благодарностію моего сердца.

Князь Петръ Шаликовъ.

I.

ПОСЛАНІЕ

къ Государственному Канцлеру, Графу Николаю Петровичу Румянцеву, знаменитому Патріоту.

Когда въ странахъ чужихъ на олтарѣ святомъ
Чистѣйшей истины жгутъ ѳиміамъ нельстивый
Въ честь подвиговъ Твоихъ; когда ихъ мирный громъ
И благотворный блескъ, какъ солнце нами зримый,
Во слѣдъ за славою великихъ дѣлъ отца
Вѣкамъ передадутъ съ безсмертьемъ имя сына —
Награда на землѣ душъ выспреннихъ едина! —
Пребудетъ ли тогда безмолвнымъ гласъ пѣвца,
Питомца Рускихъ Музъ, подобно всѣмъ искуствамъ,
Наукамъ, ремесламъ, осыпанныхъ Твоей
Щедротой царскою? Нѣтъ! въ ревности своей

Онъ всю свободу дастъ воображенью, чувствамъ,
И дань священную повергнетъ предъ Тобой.
Таковъ щастливѣйшій есть нынѣ жребій мой! —
Утѣшно возжигать предъ доблестьми кадило!

Оставя важныхъ дѣлъ общественныхъ кормило,
Не Цинцинната лишь почтенною сохой
Ты ограничился въ своемъ уединеньи:
Всѣ добродѣтели, въ благомъ соединеньи,
Туда, великій Мужъ! стеклися за Тобой.

Грозитъ Отечеству врагъ силой необъятной,
И въ пламенной любви къ Отечеству строй ратной
Вооружаешь Ты (1)! и торжество побѣдъ
На Твой спокойный кровъ бросаетъ яркій свѣтъ
Сіянья своего, объявшаго вселенну,
Колоссомъ нашего величья изумленну!
Тамъ нѣжная Твоя сыновняя любовь
Героя славные трофеи изъ чертога,
Обители родной, перенесла въ храмъ Бога:
Да озарится прахъ священный ими вновь (2).

И въ память воинамъ о ихъ Вождѣ-
Алкидѣ
Покоитъ старость ихъ — за лавры
юныхъ лѣтъ,
Протекшихъ на пути къ побѣдамъ отъ
побѣдъ! —
Безцѣнный памятникъ! Не въ пышной
пирамидѣ,
Не въ гордыхъ надписяхъ, изысканныхъ
словахъ:
Онъ въ благодарнѣйшихъ, ушѣшен-
ныхъ сердцахъ (3)!
И то же къ родшему неохладимо чув-
ство,
Краса великихъ душъ, изящнѣйшихъ
сердецъ,
Влагаетъ первому художнику рѣзецъ
Въ длань творческу, и Римъ — о чудное
искуство! —
Римъ видитъ въ мраморѣ ожившія черты
Того, кто страхомъ былъ надменному
Стамбулу;
Того, кто далъ въ вѣкахъ безсмертіе
Кагулу (4)!

Чтобъ внукамъ воскресить дѣянья
и мечты
Ихъ предковъ, ихъ владыкъ, — Ты
дома, за морями
И свитки Музъ, давно уже забытыхъ
нами,
И хартіи Царей, днесь жителей небесъ,

Неистощимою въ дарахъ Своихъ рукою
Изъемлешь скрывшихся временъ изъ-
подъ завѣсъ —
И древность юною мы видимъ предъ со-
бою (5)!
Талантовъ страстный другъ есть
новый Прометей:
Вливаетъ жизни огнь въ истлѣвшій
прахъ людей —
И вѣчная гробовъ расторгнется дре-
мота.
Мы Византійца ждемъ изъ храмины
Дидота (6),
По чудодѣйствію Твоихъ же все щед-
ротъ,
Которыми еще Ты свой возвысилъ родъ!

Но духъ великій Твой не вѣдаетъ
предѣла
Въ пареніи своихъ полезныхъ свѣту
думъ! . . .
Я вижу пѣну волнъ и слышу Бельта
шумъ;
Пучина подъ рулемъ отважнымъ заки-
пѣла,
И *Рюрикъ* (7) полетѣлъ на парусныхъ
крылахъ
Еще подъ скипетръ свой въ невѣдомыхъ
странахъ
Народы покорить — законами, не силой,
И именемъ своимъ еще наполнить свѣтъ:
Великихъ имена святѣе за могилой!

Что предъ науками блескъ суетныхъ побѣдъ?
Твой Рюрикъ, Твой Коломбъ, обтекшій оба міра,
Обогатитъ умы сокровищемъ идей,
Познаній, опытовъ — отъ глубины морей
И нравовъ дикаря, до звѣзднаго эѳира!

Вотъ безпримѣрные, прекрасные плоды,
Великій Мужъ! Твоихъ досуга и свободы!
Ихъ блага всѣ страны, всѣ вѣки, всѣ народы
Раздѣлятъ съ нами! . . . Такъ! — и лучшей въ жизни мзды
За жертвы славныя не пожелаетъ Геній,
Рожденный къ подвигамъ щедротъ, благотвореній!

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Предъ вторженіемъ Наполеона Графъ Николай Петровичь Румянцевъ принесъ въ даръ Отечеству 2000 ружей, привезенныхъ на кораблѣ въ Ригу.

2) Всѣ брилліанты, жалованные Фельдмаршалу Графу Румянцеву-Задунайскому въ ознаменованіе услугъ его Отечеству, отданы Канцлеромъ на единственное въ своемъ родѣ украшеніе храма Кіево-Печерской Лавры, въ которомъ погребенъ Герой Кагульскій.

3) Въ Кіевѣ при гробѣ Фельдмаршала содержится шесть инвалидовъ. Каждый изъ нихъ получаетъ 1000 руб. пенсіи.

4) Знаменитый ваятель Канова сдѣлалъ въ Римѣ для Канцлера большую мраморную статую, изображающую миръ, и по сторонамъ колонны, на которую она опирается, три надписи означаютъ три мирные договора: Абовской, Кайнарджинской и Фридрихсгамской, заключенные отцемъ, дѣдомъ и самимъ Героемъ моимъ. Я не видалъ сей статуи, и въ чертахъ лица ея воображалъ Героя Задунайскаго.

5) Древнія стихотворенія, Государственныя грамоты, законы Великаго Князя Іоанна Васильевича и Судебникъ Царя Іоанна Васильевича, напечатанные подъ надзоромъ нашего Литтератора, Алексѣя Ѳедоровича Малиновскаго, иждивеніемъ Канцлера.

6) Иждивеніемъ сего же Вельможи-Патріота напечатана въ Парижѣ Исторія Льва Діакона, Византійскаго Писателя.

7) Корабль, отправленный Графомъ Николаемъ Петровичемъ вокругъ свѣта, и благополучно совершившій славное свое плаваніе.

Сочинитель могъ ли въ Посланіи исчислить всѣ патріотическіе подвиги Графа Николая Петровича? Они извѣстны многимъ частнымъ лицамъ, всѣмъ благотворительнымъ заведеніямъ, всѣмъ ученымъ обществамъ.

II.

НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

Благословенный день! съ тобою дней Творецъ
Намъ въ смертной ниспослалъ безсмертную дѣлами,
Прекрасными предъ Нимъ, великими предъ нами,
И въ Вѣнценосицѣ — владычицу сердецъ!

III.

ЭЛЕГІЯ

на кончину Павла Григорьевича Демидова.

On se sent agrandir au tombeau d'un grand homme.

Беру въ свидѣтели васъ, памятники пышны,
Завоевателей скрывающіе прахъ:
Вашъ яркій, грозный блескъ исчезъ навѣкъ въ очахъ,
И страшны имена ужъ болѣе не слышны.
Они съ лица земли, въ отраду, въ отдыхъ ей,
Смываются слезами, кровью! . . .
Герой добра! на твой взираемъ мавзолей
Мы съ благодарностью, съ любовью!
Величіе твоихъ прекрасныхъ въ мірѣ дѣлъ
Величіемъ и мысль и душу исполняетъ;
Благословенія — смиренный твой удѣлъ . . .
Ахъ, нѣтъ! онъ истиннымъ безсмертіемъ сіяетъ;

Онъ выше жребіемъ всѣхъ участей земныхъ;
Онъ жизнь всѣхъ доблестей и цѣль сердецъ благихъ.
Предъ урною твоей, подъ кипарисной сѣнью,
Мы поучаемся быть добрыми, какъ ты —
Какъ ты, всѣмъ жертвовать любви къ благотворенью,
И міра презирать ничтожныя мечты.

Демидовъ! здѣсь твое — твое изображенье!
И гробъ краснорѣчивый твой
Вливаетъ въ грудь мою печаль и вдохновенье! . . .
Но я не зналъ тебя, не знаемъ былъ тобой:
Одни дѣянія твои даютъ мнѣ права,
Въ движеньи сильныхъ чувствъ, Демидовъ! о тебѣ
Предъ свѣтомъ говорить. — Во всякой здѣсь судьбѣ,
Другъ человѣчества! тебя нашла бы слава;
Но, къ щастью ближнихъ, былъ возвышенъ щастьемъ ты —
А болѣе еще изящною душою: —
Куда же щедрою неслись дары рукою?
Конечно не во храмъ тщеславья, суеты,
Не на олтарь забавъ и не къ ногамъ кумира

Страстей и роскоши, но подъ убогій кровъ
Убогаго и сира;
Но, къ благамъ будущимъ отечества сыновъ,
Въ обитель Музъ родныхъ, которыми народы
Прочнѣе, нежели владычествомъ побѣдъ,
Подъ скипетръ свой златой весь покоряютъ свѣтъ,
И надъ законами господствуютъ природы.
Демидовъ! ставъ семействъ безчисленныхъ отцомъ,
Обширный насадивъ разсадникъ дарованій,
Ты пользы общества безсмертнымъ сталъ творцомъ;
И время самое, громады гордыхъ зданій,
Преобращая въ прахъ, твой памятникъ почтитъ!
Потомство на него позднѣйшее укажетъ,
И съ умиленіемъ, съ живѣйшимъ чувствомъ скажетъ:
Здѣсь Благодѣтель нашъ и предковъ нашихъ скрытъ!

IV.

КЪ Б. К. БЛАНКУ.

(Въ день Святаго Крещенья.)

Привѣтствую тебя въ великій день Крещенья,
Нелицемѣрный другъ, почтенный человѣкъ!
Нетщетно ризою священнаго значенья
Себя, свой духъ, дѣла и сердце ты облекъ;
Нетщетно омовенъ таинственной водою;
Нетщетно званіе Христіянина ты
Всѣхъ выше титловъ чтишь ничтожной суеты;
Нетщетно воскриленъ любовію живою
Къ Творцу и ближнему: предвѣчная Любовь,
Пролившая за насъ свою безцѣнну кровь,
Ведетъ тебя въ чертогъ Креста, Надежды, Вѣры —
Туда, гдѣ милостямъ нѣтъ ни числа, ни мѣры!

V.

СТИХИ

на Новый 1820 й годъ.

Сошелъ сынъ вѣчности съ таинственныхъ небесъ
Въ обитель времени — и сынъ земли встрѣчаетъ
Властителя своихъ и радостей и слезъ
Съ улыбкой на устахъ, и гостя вопрошаетъ
Съ надеждою въ душѣ: „О! будешь ли и ты,
Подобно своему предшественнику-брату,
Другъ мира, щастія — дней нашихъ красоты, —
Врагомъ нечестію, крамоламъ и разврату,
Еще волнующимъ печальныя страны,
Гдѣ трона своего еще не утвердили
Любовь ко ближнему, обѣты тишины,
Гдѣ тяжки опыты еще не научили
Упорныхъ въ собственномъ злощастіи людей,
Что бури страшныя губительныхъ страстей

Ниспровергаютъ все — и царства и
народы,
И суть бичи ума, талантовъ и свободы?"

*

Увы! во всѣхъ вѣкахъ родъ смертныхъ
подъ луной
Непостижимаго игралищемъ былъ рока!
Всегда и всюду зрѣлъ, въ борбѣ съ са-
мимъ собой,
Надъ добродѣтелью владычество порока!
Превознося одну, гнушаяся другимъ,
Сокрытыхъ сердца чувствъ не согла-
шалъ съ устами!
Гордясь величіемъ, могуществомъ
своимъ,
Кадило возжигалъ тщеты предъ ол-
тарями!
Таковъ лишь разумомъ водимый чело-
вѣкъ! . . .
Но если онъ водимъ Религіей святою;
Но если по путямъ ея благимъ потекъ,
Надъ самымъ рокомъ онъ возвысится
душою! —
Отечество мое! подъ сѣнію оливъ,
На лаврахъ, доблестьми пожатыхъ,
опочивъ,
Вкушай плоды своихъ благодѣяній
міру! . . .
Да Время предъ тобой повергнетъ въ
прахъ сѣкиру!

VI.

БАСНИ.

I.

Дѣти и Халатъ.

Анета пальчикомъ вдругъ Лизѣ погрозила,
Шепнувъ ей: „Папинька въ диванной — не шали!“
И рѣзвость дѣтскую съ сестрицей прекратила.
Потомъ на цыпочкахъ малюшочки пошли
Въ диванную, принявъ видъ важный и степенный;
И чтожь? ошиблися: лишь папинькинъ вседневный
На креслахъ тамъ Халатъ нашли.

*

Робенокъ стоитъ ли насмѣшки иль упрека?
Не разъ свидѣтелемъ бывалъ разскащикъ вашъ,
Что даже взрослые подчасъ за человѣка
Одежду, экипажъ
Упрямо почитаютъ,
И разницы узнать ни мало не желаютъ.

2.

Филинъ и маленькія птицы.

Ночной орелъ и царь гонимыхъ Фебомъ птицъ,
А просто: Филинъ некрасивый,
Избравъ на древней башнѣ шпицъ,
Сидѣлъ не шевелясь, какъ Квакеръ молчаливый;
Сидѣлъ за тѣмъ, что Фебъ еще не скрылся въ понтъ
И озарялъ еще лазурный горизонтъ.
Станицей зяблицы, дрозды и краснозобки
Слетѣвшись къ Филину — а филины такъ робки,
И жалки такъ, пока не наступила ночь! —
Ну теребить его, клевать, дразнить, ругаться.
Что дѣлать бѣдному? куда ему дѣваться?
Онъ въ изумленіи! — Но вдругъ станица прочь,
И быстро отъ него сокрылась.
Что значитъ? — ночи тѣнь на землю опустилась
И Филинъ принялъ духъ и мужество орловъ.
Не смѣли дерзскія дождаться сей минуты;
Не смѣли продолжать свои забавы люты.

⁂

Вотъ вѣрный образъ подлецовъ!

3.

Дорога.

Софрона кучеръ опрокинулъ
На лѣву сторону дороги — въ ровъ,
И барина едва едва оттуда вынулъ
Со множествомъ на лбу рубцовъ.
Софронъ мой кучера тогдажь перемѣняетъ;
А сей его роняетъ
Направо — также въ ровъ. „И чтожь Софронъ?“
О пять разшибся онъ.
И говоритъ, досадою пылая:
„Дороги нѣтъ! все ровъ, да ровъ!“

*

Софронъ! дорога есть, и вовсе не дурная;
Но ты дурныхъ имѣешь кучеровъ.

4.

Карета.

По грязной улицѣ, въ суровую погоду,
Согнувшись, нѣкто шелъ пѣшкомъ
И можетъ быть тишкомъ
Роптал, сердился на природу;
Какъ вдругъ лихая четверня
Кареты самой модной

Такъ хлынула въ него густою грязью, чорной,
Что онъ не взвидѣлъ дня.
„О своенравная, слѣпая,
Фортуна дерзская!“ воскликнулъ пѣшеходъ
(Онъ видно былъ не то, что мы зовемъ *народъ*):
„Дарами щедрыми любимца осыпая,
На счетъ другихъ всегда лелѣешь ты его!
Онъ ѣдетъ, я иду — подчасъ и это больно —
Но этаго еще къ нещастью не довольно:
Я долженъ сертука лишиться моего!“
Любимецъ щастья мнимый
Услышавши упрекъ бѣдняжки справедливый,
Къ отрадѣ истину сказалъ ему въ отвѣтъ:
Я ѣду не въ своей каретѣ,
И вовсе у меня, мой другъ, кареты нѣтъ.

*

Наружный блескъ ничто. И такъ напрасно пени,
За скудный свой удѣлъ, возносимъ къ небесамъ:
Блаженство часто мы предполагаемъ тамъ,
Гдѣ нѣтъ его и тѣни.

VII.

КЪ ИСТОРІОГРАФУ ИМПЕРІИ.

На поднесенную ему залотую медаль въ Россійской Академіи.

Платя Россіи долгъ великій и священный
Талантомъ и любовью къ ней,
Отъ современниковъ, отличнѣйшихъ Мужей,
Той справедливости стяжай залогъ нетлѣнный,
Которую тебѣ потомки воздадутъ
За твердый, сильный духъ и за безсмертный трудъ!

VIII.

НА ИГРУ ВОСПИТАННИКОВЪ БЛАГОРОДНАГО УНИВЕРСИТЕТСКАГО ПАНСІОНА.

Сокровище ума, талантовъ и искуства —
Образованіе! безъ помощи твоей
Какой артистъ намъ всѣ оттѣнки мысли, чувства
Изобразитъ въ игрѣ . . . безжизненной своей?
Гдѣ нѣтъ тебя, тамъ нѣтъ ни въ чемъ и превосходства;
Нѣтъ истины, души, натуры, благородства;
Бывъ сердца красотой, науки ты вѣнецъ!
И вотъ источникъ тѣхъ живѣйшихъ наслажденій,
Восторговъ искреннихъ и пламенныхъ движеній,
Которыя дѣлилъ нельстивый вашъ пѣвецъ,
Артисты-юноши! плѣняясь въ сердцѣ вами,
Съ родными вашими, съ отцами, матерями!

Но кто изъ зрителей тогда вамъ былъ чужой
По чувству своему? кто вашею *игрой*
Не оцѣнилъ благихъ плодовъ образованья
На важномъ поприщѣ мятежной жизни сей,
И власти не позналъ волшебной дарованья —
Утѣхи щастливыхъ и скорбныхъ нашихъ дней?

IX.

КЪ ДОКТОРУ - ПИСАТЕЛЮ,

К. А. Бриль - Крамеру.

Вѣнецъ всѣхъ благъ земныхъ и всѣхъ щедротъ отъ Неба —
Здоровье ближнимъ возвращать;
Не рѣдко жертвы похищать
У самаго Эреба,
И добродѣтели трудъ тяжкій посвящать (*):
Вотъ твой удѣлъ и даръ, Игеи другъ и Феба!

(*) Онъ лѣчилъ неимущихъ безъ всякой платы — о чемъ извѣстно было и по Моск. Вѣдомостямъ. Каждую недѣлю два раза, въ назначенные дни, стекалось къ нему множество больныхъ, которыми занимался онъ цѣлое утро; однимъ писалъ рецепты, другимъ давалъ собственныя лѣкарства, или спасительные совѣты, и получалъ въ награду важное сокровище — удовольствіе сердца. Уже сего друга человѣчества нѣтъ болѣе на свѣтѣ!

X.

МОРАЛИСТЪ.

Нашъ строгой моралистъ Бифронъ,
Такими сильными, прекрасными словами
Намъ хвалитъ честности и правоты законъ,
Что всю имѣлъ бы власть надъ нами,
Когда бы самъ ее . . . не разрушалъ дѣлами!

XI.

ОТВѢТЪ ПРІЯТЕЛЮ,

требовавшему мнѣнія моего о сочиненіяхъ одной изъ нашихъ Стихотворицъ, которую называетъ онъ Невской Сафою.

Ты ждешь, но я ни слова похвалы
Въ дань *Невской Сафѣ* не вѣщаю;
Лишь только радости сердечной не скрываю,
Что нѣтъ у насъ *Левкадскія скалы.*

XII.

РѢДКОЕ ИСКУСТВО.

Всѣхъ добродѣтелей высокихъ,
Всѣхъ милыхъ свойствъ, всѣхъ чувствъ и нѣжныхъ и глубокихъ
Биформусъ языкомъ такъ чисто говоритъ,
Какъ самъ не говорилъ . . . . Мольеровъ ипокритъ.

XIII.

СЪ Д. П. ШЕЛЕХОВУ.

На рожденіе сына Аполлона.

Онъ не останется при имени одномъ
Достойно чтимаго тобою *Аполлона*,
И будетъ сходствовать во всемъ съ своимъ отцомъ:
На Марсовыхъ поляхъ бросать въ *Пиѳоновъ* громъ,
А дома жертвовать на олтарѣ патрона.

XIV.

КЪ СОЧИНИТЕЛЮ ПОЭМЫ:

Освобожденная Москва.

Аттической Поэтъ Херилъ
Побѣду Аѳинянъ надъ Ксерксомъ, въ
брань *святую* (*),
Воспѣвъ, за каждый стихъ Поэмы по-
лучилъ
Монету золотую.
У насъ такихъ наградъ и не было и нѣтъ:
Иныя времена, иные нравы.
Но если сынъ и другъ отечества и славы
Хвалою искренной почтитъ тебя,
Поетъ, —
Ты оцѣнишь ее дороже всѣхъ монетъ!

(*) Такъ называли Греки ополченіе противъ Персовъ — за свободу.

XV.

КЪ НѢМОЙ КРАСАВИЦѢ.

Ахъ! что я узнаю? . . . жестокій переходъ
Отъ радостной мечты къ унылымъ размышленьямъ,
Отъ свѣтлыхъ чувствъ души ко мрачнымъ впечатлѣньямъ! . . .
И сердце познаетъ вдругъ скорби новый родъ!
Не ужель вподлинну сіи уста прелестны
Безмолвствуютъ вовѣкъ? — И самый гласъ любви,
И самый огнь ея, ліющійся въ крови,
И страсти дѣйства всѣ, доселѣ столь чудесны,
Печальныхъ, горестныхъ не могутъ снять оковъ —
И сердцу милаго исторгнуть звука словъ? . . .
Какъ былибъ сладостны они, краснорѣчивы;
Какъ нѣжны, трогательны, живы!
Сужу по взорамъ сихъ плѣнительныхъ очей,
Въ которыхъ вижу всѣ ума, души твоей
Сокровища безцѣнны,

И, ахъ! *сокровищамъ* подобно сокровенны! . . .
Жестокая судьба! несправедливый рокъ!..
Но сѣтовать ли? . . . нѣтъ! пускай одинъ порокъ
Предметомъ будетъ сожалѣнья!...
Щастливецъ, избранный тобой,
И самый недостатокъ твой
Почтетъ за даръ отъ Провидѣнья! —
И что холодный нашъ языкъ,
Языкъ людей обыкновенныхъ,
Безъ мыслей мыслію надменныхъ!...
Сей даръ, безъ чувствъ, идей, неваженъ, не великъ, —
Ничто . . . предъ языкомъ твоихъ небесныхъ взоровъ,
Улыбки ангельской твоей! . . .
Въ безмолвіи своихъ сердечныхъ разговоровъ
Предмету милому любви, души своей
Понятна будешь ты! — Въ отсутствіе рѣчей
Душа, любовь огнемъ божественнымъ сильнѣе
Пылаютъ во сто кратъ! . . . Въ мечтахъ намъ веселѣе:
Когда красавица движеніемъ очей,
Улыбкой говоритъ о тайнѣ чувства съ нами,
Какими замѣнить возможно ихъ словами? . . .

И кто захочетъ, кто? . . . Тогда предѣловъ нѣтъ
Блаженства нашего; и мы творимъ по волѣ
Очаровательный, волшебный, новый свѣтъ,
Едва извѣстный намъ дотолѣ! . . .
Отъ словъ хладѣетъ чувства жаръ;
Безъ нихъ неистощимъ онъ вѣчно!
Такъ! избранный тобой почтетъ, почтетъ конечно
И недостатокъ твой за даръ —
За даръ Небесъ, столь часто справедливыхъ
Въ раздѣлѣ благъ своихъ! — Принадлежа тебѣ,
Сей смертный въ щастливой судьбѣ,
Среди восторговъ молчаливыхъ,
Не будетъ замѣчать, подобно всѣмъ другимъ,
Что съ каждымъ днемъ любовь *лишается по слову!* . . .
Владѣя прелестьми и сердцемъ онъ твоимъ,
Въ любви твоей найдетъ и жизнь и душу нову
Съ минутой каждою, и ангела любя,
Хранитель-ангелъ ввѣкъ онъ будетъ для тебя!

~~~~~~~~
~~~~~~~~

XVI.

КЪ ПѢВИЦѢ БОРГОНДІО.

Божественный талантъ! сколь власть
твоя чудесна
Надъ чувствами души! . . . Волшебни-
ца! постой:
Страшись, чтобъ Ангелы, услышавъ
голосъ твой . . . .
Но ревность Ангеламъ, по щастью, не-
извѣстна.

XVII.

ЭПИТАФІЯ

М. Ф. Ленской.

Придите въ тихіе вечерніе часы,
Придите сѣтовать надъ этою могилой,
О Граціи! она подруги вашей милой
Сокрыла юность, умъ, лица и чувствъ
красы!

XVIII.

КЪ ПОРТРЕТАМЪ.

1.

*К*** К*** С*** Г . . . . й.*

Родись въ тотъ вѣкъ, когда Герои и Цари
Въ дань красотѣ несли и лавръ и діадиму —
И ты имѣлабъ олтари,
И видѣлабъ себя превыше смертной чтиму!

2.

Плутарха.

Мудрецъ, полезнѣйшій всѣхъ прочихъ мудрецовъ
Твореніемъ своимъ — сей школою великой
Героевъ и Царей! перо твое уликой
Есть для Историковъ - льстецовъ.

XIX.

ВОЗРАЖЕНІЕ.

Любезный мой Элладофилъ!
Ты хочешь, чтобы я подчасъ съ Аристофаномъ
Пороковъ, глупостей гонителемъ, тираномъ
На сценѣ Таліиной былъ:
Всѣ убѣжденія къ тому твои напрасны!
Зачѣмъ *терзать* людей? они и такъ нещастны.

XX.

КЪ О*** М*** С. . . . . й.

(Въ день ея рожденія, Мая 14.)

И ты, какъ роза, дочь весны:
Такъ дивноль, что тебѣ, съ любимицею Флоры
Всѣ качества даны
И душу восхищать и взоры!

XXI.
ОТВѢТЪ (*).

Растроганный отецъ любезнѣйшимъ пророкомъ,
За предсказаніе въ плѣнительныхъ стихахъ,
Благодаритъ слезы сердечной сладкимъ токомъ;
Но думаетъ тогдажь — въ душѣ, не на словахъ —
Что будетъ сынъ его Владиміръ *Мономахъ*,
Какъ и отецъ — то есть *единоборецъ* . . . . съ рокомъ!

(*) На слѣдующіе *дружескіе* стихи:
Къ новорожденному сыну Поэта Владиміру.

Ты будешь добръ, уменъ, любезенъ какъ отецъ,
И добродѣтелью твоя отгрянетъ лира;
Ты будешь другъ чувствительныхъ сердецъ,
И какъ Поэтъ — *владѣтель міра*

Н. Иванчинъ-Писаревъ.

XXII.

ЭПИТАФІЯ

младенцу.

„Прости, минутный гость! и къ Ангеламъ небесъ,
Щастливецъ, возвратись!“ отецъ и мать сказали:
„Еще не проливалъ ты горькихъ сердца слезъ,
Которыя тебя въ семъ мірѣ ожидали.“

XXIII.

БЛАГІЙ СОВѢТЪ.

Проливши на меня познанья быстрый свѣтъ,
Ты скрылся, геній мой! подъ именемъ *Теоровъ*. . . .
Примижь во мзду благій совѣтъ,
И впредь зовися: *Метеоровъ*.

XXIV.

ОТРЕЧЕНІЕ.

Нѣтъ, Критикъ мой! тебѣ не брошу
ввѣкъ перчатки:
Твоей атаки пунктъ славнѣйшій —
опечатки.

XXV.

КЪ МОЕМУ *безвѣстному* КРИТИКУ.

Les gens que vous tuez se portent assez bien.

Давъ имя мнѣ, себя ты самъ изобразилъ:
Я *Аристархъ*, а ты — Зоилъ.

XXVI.

КЪ ГОСПОЖѢ КАТАЛАНИ.

Среди восторговъ, удивленья
И мыслей трепетныхъ о таинствѣ Небесъ,
Непостижимыхъ намъ въ твореніи чудесъ,
Безмолвствовать .... вотъ дань тебѣ, царица пѣнья!

XXVII.

РАЗЛУКА.

Романсъ.

Наказанъ я судьбою,
Алина, за тебя! . . .
Въ слезахъ, безъ словъ, съ тоскою
Нѣжнѣе всѣхъ любя,
Взирала ты на друга,
Когда жестокій другъ
Семьи родной изъ круга
Бросался въ чуждый кругъ!

❁

Когда съ тобой въ разлукѣ
Утѣхъ себѣ искалъ! . . .
Безумецъ жертвой скукѣ,
Унынью, скорби сталь!
Напрасно въ глушь дубравы
Скрывался отъ людей,
И сердца всѣ отравы
Ввѣрялъ природѣ всей.

❁

Ахъ! страшно охладѣла
Къ питомцу нѣжна мать:
Природа не хотѣла
Преступнику внимать!

Мнѣ даже измѣнило
И эхо — скорбныхъ другъ:
Взываю . . . . оградило
Свой неусыпный слухъ!

*

Все, все безъ жизни было
И въ мертвой тишинѣ,
Казалося, грозило
Все новымъ горемъ мнѣ! —
Наказанъ я судьбою,
И благодаренъ ей:
Я бѣдъ позналъ цѣною
Щастливыхъ цѣну дней:

*

Когда съ тобой, Алина!
Я къ сердцу моему
Малютку дочь, иль сына
Въ восторгѣ сердца жму;
Когда вы всѣ здоровы
И веселы душой! . . . .
Разлуки дни суровы,
Покройтесь вѣчной мглой!

XXVIII.

КЪ АЛИНѢ,

очинившей мнѣ перья.

Ахъ! еслибъ ты могла, какъ перья, очинить
Мнѣ умъ, талантъ, или важнѣйшее — фортуну!
Тогда, взявъ лиру златострунну,
Съ восторгомъ бы тебя я сталъ благодарить
За лестное вниманье свѣта! . . .
Ему не нуженъ даръ Поэта —
Я знаю; но тогдабъ другой имѣлъ я даръ
Рождать въ сердцахъ къ себѣ любви и дружбы жаръ:
Имѣлъ бы домъ большой, имѣлъ бы столъ богатый,
Блестящій экипажъ, и всякой Божій день
Былъ очень радъ гостямъ хозяинъ тароватый.
Тогда бы, какъ вторая тѣнь,
Ходили по слѣдамъ *пріятели* за мною,
Гдѣбъ ни явился я, — и каждый бы съ рукою

Наперерывъ ко мнѣ, и всюду бы меня
Улыбка нѣжная встрѣчала,
И даже бы *она* вдругъ ласковѣе стала!
Съ разсвѣтомъ праздничнаго дня
Ко мнѣ бы карточки визитныя летѣли,
И дѣти бы мои ужь къ вечеру имѣли
Колоду цѣлую, и сѣвъ какъ старики,
Играть бы начали малютки въ *дураки*....

*

Желанье тщетное!... Оно смѣшитъ
Алину!...
Но развѣ случай, хоть безъ глазъ,
Такъ участи людской не очинитъ подчасъ,
Что даже изумитъ и самую судьбину?...

XXIX.

КЪ П. Ф. БАЛКУ-ПОЛЕВУ,

сказавшему, что я похожъ на Шатобріана.

Я вѣрю, что знатокъ Искуствъ, Литтературы
И съ Лафатеровой наукою знакомъ;
Но сомнѣваюсь въ томъ,
Чтобъ не было совсѣмъ границъ въ игрѣ Натуры,
И чтобъ своимъ лицомъ
На память я тебѣ привелъ Шатобріана! . . .
Нѣтъ! геній на лицо кладетъ свою печать,
И потому легко глазами различать
Хризиппа отъ Ѳомы, Петра отъ Купреяна.
Но между тѣмъ — чтобъ все сказать —
Когда я подлинно на Автора Аталы
Похожъ въ глазахъ твоихъ,
То Антиноевъ щеки алы
Пусть будутъ зависти предметомъ для другихъ;

А я, обязанный за лестное сравненье
Безъ лести, искренно тебя благодарить,
Почувствую въ душѣ сильнѣе вдохновенье,
Когда опять переводить (*)
Шатобріана буду, —
И въ зеркало взглянуть конечно не забуду.

(*) Авторъ стиховъ перевелъ Шатобріаново Воспоминаніе объ Италіи, Англіи и Америкѣ.

XXX.

КЪ ПОРТРЕТУ N. N.,

чрезвычайно выразительно написанному.

Не говорятъ ли вамъ черты лица сего:
„Надменный человѣкъ, и больше ничего?“

XXXI.

КЪ КНЯГИНѢ ВѢРѢ ФЕДОРОВНѢ ВЯЗЕМСКОЙ,

на рожденіе дочери Надежды.

Поэтъ не съ золотомъ, но съ лирой золотой
Предстать предъ женщиной любезной, молодой,
Супругой славнаго Поэта,
Обязанъ въ тѣ часы, когда отъ всѣхъ она
Уже выслушивать привѣтствія должна
За даръ для нравственнаго свѣта,
За жизнь, которую дала
Себѣ подобному созданью;
Съ которою сама вновь къ жизни разцвѣла; —
Поэтъ является пророчества къ ней съ даньк
И темная судьба открыта передъ н
Новорожденнаго младенца,
И внемля гласу сердца,
Со вдохновеніемъ живымъ,
Взываетъ: „*Дочь* твоя подобна будетъ *Вѣрѣ*
Господствомъ сладостнымъ надъ сердцемъ, надъ душей;

Надеждѣ — вѣчною отрадой для друзей,
Для кровныхъ, для родныхъ; и въ самомъ лицемѣрѣ
Нелицемѣрную найдетъ къ себѣ *любовь*;
Отцовская играть, горѣть въ ней будетъ кровь,
И Музы, Граціи, какъ съ милою сестрою,
Съ ней будутъ жить; ума и чувства красотою
Она всѣ прелести другой Армиды намъ
Представитъ въ истинѣ, и Тассъ призналъ бы самъ
Ее соперницей опасной
Своей Армиды, столь надъ смертными всевластной!
О *щастьи* нужноль говорить?
Кто всѣ достоинства въ себѣ совокупляетъ,
Тотъ щастливъ *долженъ* быть —
И такъ Поэтъ-пророкъ охотно умолкаетъ."

*

Не знаю, предстоюль я съ *лирой золотой*,
Но знаю, — чувствую, что богомъ Аполлономъ
Внушенъ мнѣ сердца гласъ святой:
Его пророчество есть для судьбы закономъ!

XXXII.

БЛАГОТВОРЕНІЕ.

Un bienfait n'avilit que les coeurs nés ingrats.

Laharpe.

Нѣтъ! не завидую, Лукуллы! Крезы! вамъ
И вашимъ славимымъ сокровищамъ, пирамъ,
Когда ни яствами, ни златомъ
Вы не дѣлилися съ своимъ убогимъ братомъ;

Когда не мыслили вовѣкъ,
Что *братъ* и *человѣкъ* —
Одно на языкѣ священнѣйшемъ природы!
Пусть превозносятъ васъ хвалой льстецы и оды!
Я посвящаю стихъ смиренный отъ души
Тебѣ, смиренное, какъ онъ, Благотворенье!
Ахъ! какъ твои черты всѣ милы, хороши!
Кого не приведетъ твой образъ въ умиленье —
Слеза ли горести видна въ твоихъ очахъ,
Улыбкаль свѣтлая сіяетъ на устахъ?...
Слезуль, улыбку ли — присутствіемъ небеснымъ
Внутрь сердца моего — ты сообщаешь мнѣ:

Свой жребій нахожу тогда равно прелестнымъ,
И ставлю въ щастіи себя я наровнѣ,
Щастливцы міра! съ вами.

Благословляемый страдальцемъ, сиротами —
Лишь только за одно участье въ ихъ судьбѣ,
За слово радости, отрады, утѣшенья —
Чистѣйшей роскоши, прямаго наслажденья
Источникъ истинный находитъ самъ въ себѣ!
Ахъ! что же долженъ быть того удѣлъ прекрасной,
Кто съ неизмѣнною къ добру любовью страстной
Дастъ безпокровному надежный, тихій кровъ;
Кто брошенныхъ на свѣтъ жестокою судьбою,
Блуждающихъ вокругъ могилы ихъ отцовъ,
Подъ нѣжное крыло пріявъ младыхъ птенцовъ,
Взрастилъ отеческой рукою;
Кто дарованію открылъ желанный путь;
Кто пролилъ наконецъ спокойство въ скорбну грудь
Злощастной матери среди семьи стенящей;

Кто жизни суетной, блестящей
Предпочитаетъ жизнь, дающую другимъ
И жизнь, и наслажденья ею! . . .
Вотъ передъ кѣмъ въ душѣ всегда благоговѣю,
Кому завидую, кто будетъ ввѣкъ моимъ
Предметомъ поклоненья! . . .
Осыпавъ розами олтарь Благотворенья,
По розамъ въ мірѣ семъ, мнѣ мнится, я иду,
И терній на пути безвѣстномъ не найду! . . .

XXXIII.

КЪ БЮСТУ

Петра Великаго.

Великій! все плоды Твоихъ безсмертныхъ дѣлъ:
Искуства, ремесла, художества, науки —
Все сотворили намъ Твой геній, взоръ и руки;
Враговъ, судьбу, себя Ты побѣдить умѣлъ!

XXXIV.

ВЪ АЛЬБОМЪ НИНЫ.

Le plaisir d'être aimé renouvelle la vie.

Люби! . . . сама любовь тебя
Образовала — для себя!
Будь ей вѣрна душей и сердцемъ;
Храни ее въ груди своей;
Играй съ прелестнѣйшимъ младенцемъ —
Утѣхой, щастьемъ жизни сей!
Въ тщеславьи, въ суетности свѣта
Ни щастья, ни утѣхи нѣтъ;
И безъ *любезнаго предмета*
Пустъ, холоденъ и скученъ свѣтъ! —
Всѣмъ жертвуй для любви взаимной,
Не жертвуй ею ничему;
И предразсудковъ призракъ дымной
Разсудку, чувству твоему
Пусть будетъ вѣчно чуждъ; и вѣчно
Пусть будетъ нѣжность имъ владѣть! —
Люби, люби *чистосердечно*! . . .
Чтобъ больше радостей имѣть,
Чѣмъ горестей на здѣшнемъ свѣтѣ,
Все таинство — въ моемъ совѣтѣ! . . .
Люби! . . . сама любовь тебя
Образовала для себя!

XXXV.

ЭЛЕГІЯ

на кончину К. Д. Д. Циціанова.

Сближенный времени всемощною рукой
Съ границей двухъ міровъ — съ могилой,
Среди страданія отъ чаши роковой
Я былъ отторгнутъ Высшей силой!
Но жизни новый даръ едва излился въ грудь,
Какъ новыя въ нее излились скорби, муки —
И, ахъ! того, чей былъ далекъ ко гробу путь,
Мои въ землѣ сокрыли руки! . . .
Младенецъ милый! ты являлся мнѣ на ней
И дѣтской красоты и Ангельскаго нрава
Прелестнымъ образцомъ! Я думалъ: щастье, слава,
О милый сынъ! тобой моихъ на западъ дней
Разсыплютъ свѣжи розы —
И чтожь? Всѣхъ радостей, надеждъ замѣна — слёзы,

Какихъ не проливалъ еще въ мой грустный вѣкъ! . . .

Любимая судьбы игрушка человѣкъ!
Когда на небеса онъ самъ еще взираетъ,
То взоры существамъ безцѣннымъ закрываетъ:
И вотъ что *жизнію* зоветъ подъ солнцемъ онъ!
Ахъ! я позналъ тебя, ужаснѣйшій законъ, —
Тебя, условіе главнѣйшей смертныхъ цѣли! . . .
И ты, почтенный мужъ, пріявшій отъ купели
Младенца моего, предмета слезъ моихъ,
Уже отрадою не служишь для живыхъ
И утѣшеніемъ, подпорой для нещастныхъ!
Вся жизнь твоя была цѣпь чувствъ и дѣлъ прекрасныхъ!
Кто болѣе тебя былъ суетности чуждъ?
Кто менѣе творилъ страстей себѣ кумиры?
Ты собственныхъ не зналъ ни прихотей, ни нуждъ;
Но зналъ, гдѣ немощный и сирый
Томятся въ горестной съ злощастіемъ борбѣ —
И благостыней путь къ нимъ пролагалъ себѣ!
Не вѣдая личинъ обманчиваго свѣта,

Ты тщательно скрывалъ не слабость,
не порокъ,
Но исполненія сердечнаго обѣта. . . .
Поколебать его не могъ ни свѣтъ, ни
рокъ!
И вѣрный истинамъ высокаго ученья,
Ты гордость унижалъ величіемъ сми-
ренья!
Достоинствъ предъ тобой не замѣнялъ
титулъ,
И презрѣнъ былъ безъ нихъ тобою
Крезъ, Лукуллъ!
Но добрыя сердца въ тебѣ имѣли друга!...
И доказалось то, когда изъ смертныхъ
круга
Ты вышелъ, чтобъ прейти въ небес-
ный вертоградъ:
Благословляемый стократъ,
Тогда какъ не внималъ ужъ больше
намъ — во гробѣ,
Ты преданъ былъ земной утробѣ
При вопляхъ искреннихъ, при пламен-
ныхъ слезахъ!
Героевъ благости завиденъ самый прахъ!
Ты узришь — о восторгъ! — тамъ
крестника-младенца,
Съ которымъ сходенъ ты и въ поздныхъ
лѣтахъ былъ
Невинностью души и чистотою сердца;
Котораго тебѣ днесь вновь отецъ вру-
чилъ! . . .

XXXVI.

ПОСЛАНІЕ

къ К. П. А. Вяземскому (*).

Такъ точно: первый даръ Игеи
Мы посвятить должны друзьямъ.
Ахъ! сколь они любезны намъ,
Когда съ улыбкою сей Феи
Для нашихъ, прежде томныхъ, глазъ
Все вдругъ творенье улыбнется,
И съ жизнью новою для насъ
На всю природу жизнь прольется!
И тѣнь, и солнце, и Зефиръ,
Прогулка, отдыхъ, мысли, чувства,
Предметы разума, искуства —
Все для души, для сердца пиръ;
Все щастье, радость иль отрада! . . .
А прежде. . . . ахъ! болѣзни ядъ
Все отравлялъ; и муки ада
Терзали грудь; и скорбный взглядъ
Я даже потуплялъ предъ вами,

(*) Который приглашая меня, послѣ болѣзни моей, въ деревню, писалъ ко мнѣ, что по совершенномъ выздоровленіи моемъ мнѣ должно бы посѣтить его.

Малютки милыя, — и васъ
Оледенѣлыми устами
Не лобызалъ ужь каждый часъ!
И ласки нѣжныя подруги
Моихъ безвѣстныхъ въ мірѣ дней
Не трогали души моей,
Добычи вашей, злы недуги!
Напрасно сердце вызывалъ
Семьи унылой къ утѣшенью —
И лишь въ безмолвіи вручалъ
Сиротъ благому Провидѣнью.
Храню довѣренность къ Нему!
Оно отца имъ сохранило;
Друзей мнѣ ласки возвратило:
Пою отъ сердца гимнъ Ему!

Благодаренья гласъ нельстивый
Подъ кровомъ сельскимъ у тебя
Раздастся вскорѣ — и щастливый
Поздравитъ гость твой самъ себя
Съ живымъ, безцѣннымъ наслажденьемъ
Того увидѣть и обнять,
Кто милъ и добръ, и всѣхъ плѣнять
Родился съ истиннымъ умѣньемъ!

XXXVII.

КЪ И. И. ДМИТРІЕВУ.

Въ день рожденія 10 го Сентября.

На осень не смотря, весенніе Зефиры,
Когда родился ты, твою согрѣли грудь —
И не угаснетъ огнь твоей вовѣки лиры! . . .
Какъ въ славѣ, Несторомъ равно и въ жизни будь!

XXXVIII.

КЪ НЕЗАБВЕННОЙ ДАЧѢ (*).

Жилище тихое, гостепріимный кровъ,
Гдѣ наслаждался я всей прелестью свободы
И зрѣлищемъ забавъ, и благостью природы;
Гдѣ снова пріобрѣлъ даръ лучшій всѣхъ даровъ —
Здоровье, и семьи спокойствіе, отраду,
За немощи, за скорбь душѣ моей въ награду!
Вы вѣчно въ памяти и сердцѣ у меня
Съ Хозяиномъ своимъ, съ его благотвореньемъ,
Хранимы будете живымъ благодареньемъ —
Симъ чувствомъ сладостнымъ небеснаго огня! . . .

(*) Въ Петровскомъ — принадлежащей Степану Степановичу Апракину, который, по благосклонности своей, далъ мнѣ больному домъ на все лѣто — въ рощѣ, гдѣ находятся различныя увеселенія для публики: горы, качели и проч.

XXXIX.

КЪ А. А. ПРОКОПОВИЧУ - АНТОНСКОМУ.

(По прочтеніи книги его о воспитаніи.)

Руссо и Локкъ! я васъ читалъ съ благоговѣньемъ
Къ таланту вашему. Но, другъ младыхъ сердецъ,
Жизнь посвятившій имъ! тебя я съ умиленьемъ
Читалъ — наставника отцевъ! . . . я самъ отецъ.

XL.

СТИХИ

на Новый 1821 й годъ.

Средь мира, тишины, любезныхъ Небесамъ,
Хранимыхъ на землѣ лишь доблестей сынами,
Посланникъ вѣчности! гряди съ улыбкой къ намъ,
И путь свой знаменуй отрадъ и благъ цвѣтами!

*

Такъ! доблестей сыны, при шумѣ грозныхъ бурь,
При тучахъ яростныхъ на чуждомъ небосклонѣ, —
Сыны Россіи зрятъ надъ нею лишь лазурь,
И славятъ жребій свой спокойствія на лонѣ.

*

Все, раноль, поздно ли, все ложное какъ дымъ,
Какъ призракъ, утреннимъ рождаемый туманомъ,

Исчезнетъ Истины передъ лицемъ святымъ;
Исчезнетъ съ капищемъ, съ жрецами, съ истуканомъ.

*

Палладіумъ семействъ, народовъ и властей,
Она другъ времени, гонитель заблужденья;
Оплотъ надежнѣйшій престоловъ, олтарей;
Она для смертнаго есть образъ Провидѣнья!

*

Основа, жизнь, душа и обществъ и Державъ,
Чувствительныхъ, благихъ сердецъ необходимость,
Свѣтильникъ совѣсти, опора нашихъ правъ,
Дщерь вѣчной Истины — златая справедливость!

*

Да водворитъ тебя всемощною рукой
Пришелецъ горнихъ странъ, встрѣчаемый днесь нами;
Да утвердитъ твой скиптръ навѣки подъ луной,
И да украситъ міръ твоими знаменами!

*

Пребудь наперсницей всегда земный,
владыкъ:
Да представляютъ намъ небеснаго Владыку!
Да будетъ силою твоей ихъ санъ великъ!
И можноль безъ тебя быть смертному велику?

❊

Напрасно мѣрою безплодныхъ нашихъ дней,
Разсудку вопреки, мы чтимъ летяще время:
Лишь добрыхъ дѣлъ числомъ вѣкъ *долгъ* жизни сей! . . .
Что жизнь для хладныхъ душъ? — желаемое бремя!

XLI.

ДОВОДЪ.

„Я знаю множество людей,
Которые меня нимало не умнѣе“
Такъ говорилъ Евсей:
„А съ ними каждому, я вижу, веселѣе,
И всѣ наперерывъ хотятъ имъ угодить.“
Чемужь тутъ должно быть?
Какъ думаешь, Евсей? — „Не знаю.“
Изволь — я отгадаю:
Они имѣютъ талисманъ,
Который надъ сердцами. . . .
Пріятнѣйшій тиранъ,
Извѣстный всѣмъ подъ именами:
Богатство, *почести*. Невинный мой Евсей!
Будь всѣхъ глупѣй,
Но обладай симъ талисманомъ —
Увидишь, что съ тобой
Дѣлиться будетъ всякъ душой.
Дружатся не съ *людьми*, а съ знатью, да карманомъ.

XLII.

НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ

первенца моего, шестилѣтней дочери.

Минутой первою щастливаго отца
Я долженъ твоему рожденью!
Тогдажь вручилъ тебя благому Провидѣнью!
Молилъ его, чтобъ ты не прелестью лица,
Не блескомъ ловкости, не хитростьми кокетства
Влекла къ себѣ сердца;
Но, милую храня всегда невинность дѣтства,
Плѣнялабъ всѣхъ ума и чувства красотой,
Знакомабъ не была порока даже съ тѣнью —
И нынѣ съ тою же горячею мольбой
Вседневно предстою къ благому Провидѣнью!

XLIII.

НАДПИСЬ

къ надеробному камню незабвеннаго младенца.

„A demain! . . .“

Земному ангелу, отшедшему къ небеснымъ,
Съ разсвѣтомъ жизненнымъ, прелестнымъ,
Принять нетлѣнный свой вѣнецъ —
Чувствительная мать и горестный отецъ!

[XLIV.]

ЖЕЛАНІЕ.

Сто разъ игрушкой бывъ коварныхъ лицемѣровъ,
Ни опытами лѣтъ, ни силою примѣровъ,
Отъ легковѣрія не излѣчусь ничѣмъ,
И буду, кажется, подобенъ ввѣкъ младенцу.
Ахъ! если бы я былъ *младенецъ* и предъ Тѣмъ,
Кто строго судитъ насъ по нашему лишь сердцу!

XLV.

КЪ ПОРТРЕТУ Б***.

Великій человѣкъ и духомъ и дѣлами!
Тебѣ подобные родятся лишь вѣками.

XLVI.

ОТВѢТЪ

на Посланіе Софьи Петровны Б.-П. . . . й.

Всѣмъ сердцемъ вѣрить я готовъ,
Что я любимецъ Музъ, боговъ,
Когда мнѣ говоритъ о томъ одна изъ Грацій —
И какъ же говоритъ? какъ говорилъ Горацій! . . .
Соединеніе чудесное даровъ! . . .
Безмолвіе мое да будетъ выраженьемъ,
Какимъ исполненъ я въ душѣ благодареньемъ
За прелесть остроумныхъ строфъ,
Начертанныхъ ко мнѣ прелестною рукою! . . .
Ахъ! я щастливѣе судьбою
Всѣхъ Аполлоновыхъ сыновъ!

XLVII.

ОТВѢТЪ

на ея же Посланіе, въ которомъ называетъ она себя младенцемъ относительно къ своему стихотворческому дарованію.

Не стану сравнивать Горація впредь съ вами:
Младенцемъ былъ ли онъ Піитъ —
О томъ Исторія молчитъ.
Но знаемъ, что дитя - Овидій ужь стихами
Просилъ прощенія у матери своей,
Когда по рѣзвости виновенъ былъ предъ ней:
И тѣмъ я болѣе съ Поэтомъ Превращеній
Сравню по чувству сердца васъ,
Что стихотворческій вашъ юный, пылкій геній
Мнѣ крылья придаетъ, и съ вами на Парнассъ
Старикъ, какъ *бабочка*, летѣть, *парить* дерзаетъ! . . .

Но онъ объ участи Икара вспоминаетъ,
И лиру скромную кладетъ у вашихъ ногъ.
Ахъ! то же сдѣлалъ бы и самъ нашъ милый богъ! . . .
Со всею божескою силой,
Со всѣмъ величіемъ безсмертья на челѣ,
Чего не дѣлали и боги на землѣ
Для смертной милой?

XLVIII.

КЪ ПѢВЦУ ВОЛГИ.

Когда рѣкъ нашихъ мать, царица
Пѣвца ея шумитъ въ стихахъ,
Подобно какъ въ своихъ цвѣтущихъ берегахъ;
Тогда волшебная цѣвница
Изъ рукъ его намъ въ душу льетъ
Токъ тихій, сладостный восторга,
Пріятный какъ Гимметскій медъ,
Питавшій юнаго Эллады древней бога!

XLVIX.

КЪ ПОРТРЕТАМЪ.

1.

И. И. Дмитріева.

Онъ съ честію служилъ отечеству и Фебу;
Милъ людямъ за талантъ, за справедливость — Небу.

2.

Н. М. Карамзина.

И въ прозѣ и въ стихахъ онъ далъ намъ образцы
Таланта рѣдкаго и рѣдкаго искуства;
А зависти — познать мучительныя чувства:
И видимъ, что талантъ и зависть — близнецы!

3.

К. П. А. Вяземскаго.

Въ стихахъ и чувствахъ онъ — Поэтъ;
Въ любви къ свободѣ благородной,
Любимцамъ Музъ и Феба сродной,
Онъ духа силою — Атлетъ!

4.

А. С. Пушкина.

Талантъ и чувства въ немъ созрѣли прежде лѣтъ:
Овидій нашъ, онъ сталъ ко славѣ Музъ Поэтъ!

5.

Н. Д. Иванчина-Писарева.

Другъ человѣчества, природы и искусства,
Онъ посвящаетъ имъ души живѣйши чувства;
Въ бесѣдѣ съ Музами Философъ и Піитъ,
Въ своемъ владѣньи сельскій Титъ.

L.

БЛАГОДАРНОСТЬ

*К*** А*** П*** О....му (*).*

По древнимъ славимымъ обычаямъ священнымъ
Болящимъ приносить иль здравье, иль покой,
Любови къ ближнему наукою простой:
Въ слѣдъ за собой фіалъ ты съ нектаромъ цѣлебнымъ
Ко мнѣ болящему шлешь щедрою рукой —
И благодарность внутрь души моей вѣщаетъ:
Кто добродѣтелей и древнихъ образецъ
Намъ къ утѣшенью представляетъ,
Тотъ милъ, безцѣненъ для сердецъ!

(*) Посѣтившему меня въ болѣзни, и тотчасъ потомъ прославшему ко мнѣ прекрасныя здоровыя вина.

LI.

ЗОЛОТОЙ ТРЕНОЖНИКЪ.

Однажды рыбаки на островѣ Милетѣ —
Сей достопамятный былъ случай въ древнемъ свѣтѣ —
Сѣть въ море бросили. На эту пору шли
Граждане берегомъ, и тою сторговали —
На щастье — что же? въ ней нашли
Треножникъ золотой — и жарко спорить стали,
Купившимъ ли ее, или продавшимъ онъ,
Кому принадлежитъ по праву. —
Сослаться на какой законъ?
Какому быть на то уставу?
Но вотъ что Пиѳія, Оракулъ славный сей,
Котораго рѣшить ужасный споръ просили,
Сказалъ: „Мудрѣйшему отдайте изъ людей
Треножникъ золотой.“ Тогда въ Элладѣ были
Извѣстные числомъ и славой мудрецы,
Наставники въ добрѣ, пороковъ нельстецы.

Къ *Ѳалесу* первому находку отослали,
И Пиѳіи слова ему пересказали;
Но онъ принесшимъ даръ богатый отвѣчалъ,
Что *Біаса* во всемъ себѣ предпочиталъ;
И тотчасъ мудрецу треножникъ отсылаетъ.
Чтожь Біасъ? Онъ равно его не принимаетъ,
И даръ шлетъ къ третьему; сей къ прочимъ; наконецъ
Прошедъ всѣхъ мудрецовъ, которыми гордился
Свѣтъ древній, даръ опять къ Ѳалесу возвратился.
Вотъ добродѣтелей и славы ихъ вѣнецъ!

✠

Подобно такъ, Аристъ! достоинствамъ своимъ
Похвалъ вовѣкъ не принимаешь;
Но самъ охотно ихъ ты воздаешь другимъ
И зависти не знаешь:
Вотъ доказательство достоинствамъ прямымъ,
И что ты ими обладаешь!

LII.

ПРОРОЧЕСТВО.

(На критическій разборъ нѣкоторыхъ стихотвореній.)

Поэтъ и Рецензентъ! вы оба
Жить будете. . . . до гроба.

LIII.

КЪ ПОРТРЕТУ

Автора Поэмы: Освобожденная Москва.

Пожарскій! Мининъ! вашъ вѣнецъ,
Священный доблестямъ и грозный вѣроломству,
Въ сіяньи новомъ днесь потомству
Передаетъ младый Пѣвецъ.

LIV.

ЭПИТАФІИ.

1.

Александрѣ Сергеевнѣ Кушниковой.

И розы жизнь ея мгновеннѣе была!
Какъ дочь любимѣйшая Флоры,
Плѣняла всѣ сердца и взоры,
Но утра своего она недоцвѣла!

2.

С. Г. Салареву.

Природа все дала ему:
Умъ, красоту, талантъ съ чувствительной душою;
Судьба не сдѣлала пощады ничѣму —
И, юный, быстро палъ подъ смертною косою!

LV.

КЪ АЛЕКСАНДРИНѢ В***.

(При посылкѣ сочиненій К. Н. Батюшкова.)

Вотъ милый нашъ Поэтъ,
Любимый милымъ Фебомъ,
Взлелѣянный Авзонскимъ небомъ,
Подъ коимъ, кажется, и ты узрѣла свѣтъ:
Такіе взоры, станъ и вкусы благородны
Не всѣмъ странамъ въ подлунной сродны;
Вотъ, словомъ, *Батюшковъ*, щастливецъ и въ судьбѣ —
Завидую ему: онъ нравится *тебѣ*!

LVI.

КЪ ПОЛИНѢ.

Ты показала мнѣ прелестнаго младенца:
Ахъ! это самъ Амуръ, чувствъ нашихъ властелинъ!
Я любовался имъ отъ сердца! . . .
Но мудрено ли? онъ — твой сынъ!

LVII.

БАСНИ.

I.

Поэтъ, вышедшій въ знать.

Блестящихъ почестей достигъ одинъ Поэтъ.
Гордяся щастливой судьбою,
Онъ лиру, выведшу его изъ мрака въ свѣтъ,
Нещадно растопталъ ногою,
И поклялся вовѣкъ на лирѣ не играть —
Чтобъ не унизиться подобнымъ упражненьемъ.

*

Глупецъ лишь можетъ презирать
Талантъ, которому онъ долженъ возвышеньемъ!

2.

Глазной Лѣкарь.

Одинъ Арабъ умѣлъ лѣчить болѣзнь глазную.
Искуствомъ хвастаясь, онъ чудомъ звалъ его;
Но въ то же время глазъ болелъ у самого.
Лѣкарства нѣкто взялъ и аспру (*) далъ двойную
(Лѣварство стоило одной),
Купилъ и удалился.
Почтя ошибкою, Арабъ кричитъ: „Постой!
Далъ много! . . .“ Покупщикъ начасъ остановился
И скромно отвѣчалъ ему:
„Мой другъ! я аспру оставляю
Съ тѣмъ точно, что тебѣ для глазъ и самому
Лѣкарство нужнымъ почитаю.“

✠

О строгіе судьи, которыми сей свѣтъ
Всегда обиленъ былъ! въ сей баснѣ вамъ совѣтъ:
Не лучше ль на самихъ себя вамъ обратиться,
И собственнымъ своимъ лѣкарствомъ полѣчиться?

(*) Монета.

LVIII.

НАДПИСЬ

къ статуѣ Амура.

Онъ холоденъ какъ ледъ къ сокровищамъ своимъ,
И пылокъ какъ огонь — къ чужимъ.

LIX

КЪ N. N.

На его стихи Вѣчность.

Примѣръ сильнѣе всякихъ словъ —
И *вѣчность* изъ твоихъ стиховъ
Безъ затрудненья постигаю:
Я вѣчно ихъ не дочитаю.

LX.

КЪ ПОРТРЕТАМЪ.

1.

Д. В. Давыдова.

Въ немъ храбрость, умъ, талантъ и чувство благородства
Блистаютъ равными чертами превосходства!

2.

А. Ф. Мерзлякова.

Права на славу сей Филологъ и Пѣвецъ
Стяжалъ отличными трудами!
Таланта, вкуса намъ онъ подалъ образецъ
Изящной критикой и сильными стихами.

LXI.

КЪ П*** И*** Б . . . й.

Такъ, *чувство* (*) лишь одно внушаетъ
Любезность истинную намъ;
Его ничто не замѣняетъ! . . .
Искуство можетъ дать цвѣтамъ
Всѣ краси, образъ ихъ прелестный;
Но можетъ ли имъ дать оно
Природный запахъ ихъ небесный?
Искуству столько не дано. —
Пускай дохнетъ свирѣпой силой
На нѣжну лилію Борей:
Хотя поблекъ ея видъ милой,
Но жизнь и духъ остались въ ней.
Не льзя не быть въ вещахъ премѣнѣ:
Снесемъ законъ безъ горя сей!
Теперь на Таліиной сценѣ (**)
Плѣняешь ты игрой своей;
Забавы разны вымышляешь
Въ безхитростномъ кругу своемъ;
Душей веселія бываешь,

(*) Эта почтенная женщина сказала Автору, что она *дѣлаетъ все по чувству своему*.
(**) Она играетъ прекрасно въ комедіяхъ.

И каждый сердцемъ веселъ въ немъ.
Теперь улыбкою одною
Манишь къ себѣ подругъ своихъ —
И Граціи всегда съ тобою:
Амуры вѣчно въ свитѣ ихъ.
Забавъ, веселій шумныхъ время
Пройдетъ, извѣстно, наконецъ;
Но жизнь тебѣ не будетъ бремя:
Любезность есть магнитъ сердецъ.
Она надъ ними не теряетъ
Волшебной силы никогда;
Само собой ихъ привлекаетъ,
Сама собой мила всегда!
Скажу: ты сей магнитъ имѣешь;
Онъ въ *чувствѣ* сердца твоего;
Навѣкъ сердцами ты владѣешь
Щастливымъ дѣйствіемъ его.

LXII.

ЭПИТАФІЯ

*П*** А*** П***.*

Онъ жилъ для всѣхъ людей — для бѣдныхъ и богатыхъ!
Однимъ благотворилъ, увеселялъ другихъ;
Домашнихъ былъ отцемъ, и другомъ былъ родныхъ;
И не наемными слезами провожатыхъ
Къ послѣдней пристани украшенъ путь его;
Но каждый *ангела* оплакалъ своего.

LXIII.

КЪ И*** И*** Д***.

(При полученіи въ подарокъ его сочиненій.)

Нѣтъ, болѣе уже ни слова не скажу
Противъ дурныхъ судей о тайнѣ стихотворства:
Подарокъ милый твой имъ только покажу —
И улыбнусь потомъ . . . . безъ всякаго притворства.

LXIV.

НА ДѢТСКОЙ СПЕКТАКЛЬ.

Какъ щастлива та мать судьбою,
Которая цвѣтетъ талантами дѣтей,
Прекрасный подаетъ урокъ для матерей —
И Граціи еще зовутъ ее сестрою!

LXV.

КЪ М*** А*** С . . . . Й.

Les Grâces ont toujours été l'asile des Muses; et l'emploi le plus doux des Muses est d'amuser les Grâces.

Такъ *Душенька* сама, мечтаю, танцовала! . .
И если прелести твои всѣ были въ ней:
То чудноль, что она сердцами обладала
Безсмертныхъ и людей?

LXVI.

МАЙСКОЙ ВЕЧЕРЪ.

Рощи, холмы и долины
Ужь представили глазамъ
Щастья радостны картины, —
Пищу сладостну мечтамъ.
О прелестной вечеръ Майской!
Твой волшебный скиптръ — въ серд-
цахъ!
Ты предвѣстникъ жизни райской!
Ты залогъ небесныхъ благъ!

❁

Горе спящему душею
На цвѣтахъ весны златой!
Онъ терновою стезею
Цѣлый вѣкъ проходитъ свой!
Для другихъ алѣютъ розы;
Для него въ нихъ нѣтъ утѣхъ!
И другимъ милѣе слёзы,
Чѣмъ душею хладнымъ смѣхъ!

❁

Рощи, холмы и долины!
Щастье, радости, мечты!
Вы при образѣ Алины
Разсыпали красоты,

И восторгъ мнѣ въ грудь вливали
Щедрой, полною рукой! . . .
Мы съ Алиною гуляли,
Освѣщаемы луной!

*

О прелестной вечеръ Майской!
Не забуду ввѣкъ тебя!
Даръ позналъ я жизни райской,
Только милую любя;
Чтожь тогда, когда бы ею
Былъ взаимно я любимъ? . . . .
Сталъ бы участью моею
Равенъ Ангеламъ самимъ!

LXVII.

КЪ ПОРТРЕТУ

Генерала Дохтурова.

Кто предъ твоимъ почтеннымъ видомъ,
Безсмертный доблестьми и славою Герой,
Не скажетъ съ пламенной душой:
Въ стѣнахъ Смоленска былъ онъ Рускимъ Леонидомъ!

LXVIII.

КЪ ПРЕЛЕСТНОЙ.

На сценѣ ты царица сцены;
Въ гостиной ты краса гостей;
Всегда Харита для очей;
И новый бы Парисъ дерзнулъ второй Елены
Измѣнникомъ вминуту быть:
Тебя бы сталъ боготворить!

LXIX.

КЪ ПОРТРЕТУ

*Фрейлины С*** Н*** К. . . . й.*

Изобразимъ ее въ одной чертѣ пера:
Она краса и честь и пола, и Двора!

LXX.

КЪ ГОСПОЖѢ ШИМАНОВСКОЙ.

Les sentimens avec les graces
Animent son talent vainquer;
Les jeux voltigent sur ses traces;
L'amour est dans ses yeux, et la vertu dans son coeur.
(*Poésies fugitives de C. R.*)

Природа всѣмъ тебя столь щедро одарила:
Талантомъ, прелестьми и нѣжною душой! . . .
Ахъ! для чегожь не такъ съ тобой
Несправедливая фортуна поступила?

LXXI.

РОМАНСЪ.

J'ai promis des vers à Constance;
Pour moi son ordre est une loi:
Qu'un regard soit ma récompense!

Delille.

Любовь и сердце научили
Меня на скромной лирѣ пѣть:
Судьбы съ Дельфирой разлучили —
И лирой я забылъ владѣть!

❋

Я пѣлъ блаженство и Дельфиру:
Ихъ нѣтъ ужь болѣе со мной!
Начто — сказалъ я — строить лиру
Съ унылой, грустною душой!

❋

Кому печальныхъ стонъ не скученъ?
Кто любитъ жалобамъ внимать?
Ахъ! въ комъ печалью духъ размученъ,
Тому не должно ли молчать?

❋

И я безмолвною слезою
Судьбѣ жестоку дань платилъ;

Бралъ лиру томною рукою —
И жизни въ ней не находилъ.

*

Но Хлоя лиру взять велѣла —
Ахъ! что сильнѣе красоты? . . .
Рука по струнамъ полетѣла,
И сердца ожили мечты!

LXXII.

АХЪ, КАКЪ ОНА МИЛА!

„Ахъ, какъ она мила!“ я долго самъ съ собою
Тихонько говорилъ — и не спуская глазъ,
Смотрѣлъ всегда, вездѣ, гдѣ только могъ, на Хлою;
Внималъ словамъ ея съ восторгомъ всякой разъ.

*

„Ахъ, какъ она мила!“ съ другими я всечасно,
И даже съ *Хлоями* — о Хлоѣ говорилъ.
Будь скроменъ! мнѣ шепталъ разсудокъ, но напрасно:
Я чувствъ души моей нимало не скрывалъ.

*

„Ахъ, какъ она мила!“ восторгомъ не владѣя,
Въ ея присутствіи однажды я сказалъ. . . .
И Хлоя слышала! . . . Я, глазъ поднять не смѣя,
Невольной дерзости рѣшенья ожидалъ.

*

„Ахъ, какъ она мила!“ о Хлоѣ стану вѣчно
Съ душею пламенной повсюду говорить! . . .
Она за искренность простила мнѣ сердечно
И искреннимъ съ собой дозволила мнѣ быть!

LXXIII.

СТИХИ

въ альбомъ.

Будуль поэтомъ только въ столицѣ,
Гордыхъ красавицъ вѣчнымъ рабомъ? ...
Тихой и скромной сердца цѣвницѣ
Сельскихъ милѣе Грацій *альбомъ*!

*

Въ ихъ и альбомахъ, кажется, дышетъ
Нравовъ невинность, чувствъ простота! . . .
Дщерямъ природы искренность пишетъ
То, что сказалибъ съ сердцемъ уста:

*

„Ваша стыдливость, робкіе взоры —
Зеркало нѣжной, чистой души —
Съ чувствомъ согласны ввѣкъ разговоры:
Всѣмъ вы любезны, всѣмъ хороши!

*

„Долѣе, сельски Граціи! съ вами
Быть пожелаетъ каждый Поэтъ!“
И подъ простыми здѣсь ихъ чертами
Свой ты узнаешь, вѣрно, портретъ.

Село Вѣрино.

LXXIV.

КЪ НЕЙ.

Божка любезнаго стрѣлами
Играй, играй;
Въ сердца *безъ цѣли* ихъ бросай!...
Но берегись: онѣ подчасъ летаютъ *сами*.

LXXV.

ИСТИНА.

Ты хвалишься, Ипатъ, чинами
И превозносишься предъ нами
Высокой степенью. Такъ, степень высока;
Но какъ за то душа низка!

LXXVII.

СОВѢТЪ КОМИКУ****.

Прими мой искренній совѣтъ:
Когда желаешь быть соперникомъ Мольера,
Спиши свой собственный портретъ —
И ты напишешь намъ другаго *лицемѣра*.

LXVIII.

КЪ ПОРТРЕТУ В. Л. ПУШКИНА,

писанному его племянницею,

О — М — С — ю.

Стихи свои писалъ для Грацій сей Поэтъ —
И Грація его списала въ дань портретъ.

LXXVIII.

ЛОГИКА СВѢТА.

Вотъ часто мыслитъ какъ непостоянный свѣтъ:
Когда прозаикъ, иль поэтъ
Перомъ своимъ ни для кого не вреденъ,
То стало быть онъ дарованьемъ бѣденъ!

LXXIX.

КОРОТКОЙ ОТВѢТЪ

пріятелю - Литтератору на вопросъ, для чего я прощаюсь съ Музами?

Воображенія цвѣты
Уже въ лугахъ моей поэзіи увяли,
Печаль и горесть ихъ измяли —
И скрылись радостны мечты:
Душа и жизнь Поэта,
Любезнаго для Музъ, нескучнаго для свѣта!

LXXX.

ГИМНЪ МОЛЧАНІЮ.

Молчаніе, спокойства братъ
И житель, другъ уединенья,
Отецъ трудовъ, искуствъ, ученья,
Бѣгущій знати и палатъ —
О ты, кѣмъ мудрый отомщаетъ
Невѣждамъ, критикамъ (*), глупцамъ!
Прими сей Гимнъ — да защищаетъ,
Въ награду за него, твой храмъ
Меня отъ свѣтскихъ разговоровъ,
Отъ безконечныхъ толковъ, споровъ!
Когда терзается нашъ слухъ
Холодно шумными рѣчами,
Къ нему спѣшишь на помощь вдругъ,
Какъ будто сжалившись надъ нами.
И если разумъ оскорбленъ,
Къ тебѣ онъ только прибѣгаетъ.
Родъ смертныхъ часто утомленъ
Стихами, прозою бываетъ:
Не видя проку для себя —
Въ чемъ родъ же смертныхъ обвиняютъ —
Они на лонѣ у тебя

(1) Разумѣется дурнымъ

Съ нимъ вмѣстѣ, къ щастью, отдыхаютъ.
Въ затѣяхъ остряки своихъ
Что ни сказалибъ намъ словами —
И могутъ въ томъ признаться сами —
Не стоитъ эпиграммъ твоихъ.
Но что всего для насъ важнѣе,
Всего безцѣннѣй въ жизни есть:
Всѣхъ средствъ и способовъ вѣрнѣе
Ты нашу охраняешь честь!

LXXXI.

ЭЛЕГІЯ.

Навѣкъ прощаясь, Музы, съ вами,
Я благодаренъ вамъ и нѣтъ:
Вы были *другомъ* юныхъ лѣтъ,
Безъ щастья щастливыхъ — мечтами.
Зеленый холмъ, цвѣтущій лугъ,
Ручей журчащій, хоръ пернатыхъ —
И, въ мысляхъ радостьми богатыхъ,
Довольно сердце, веселъ духъ!
Тогда услужливой рукою
Вы мнѣ плели изъ розъ вѣнокъ,
И чашей полной, золотою
Въ грудь изливали сладкой токъ —
Надеждъ, восторговъ, обольщеній! . . .
Для юности нѣтъ въ мірѣ терній! . . .
Но спала перевязка съ глазъ,
И опытъ грозною клюкою,
Ведущій старость за собою,
Мнѣ, Музы, указалъ на васъ . . . .
Жестокій! . . . . гдѣ же взоръ умильный?
Гдѣ кроткая улыбка, гдѣ?
Куда дѣвался гласъ всесильный,
Мнѣ прежде слышимый вездѣ? . . .
Какое опытъ превращенье

Свершилъ магическимъ жезломъ! . . .
Съ туманнымъ, пасмурнымъ челомъ,
Являющимъ печаль, смущенье,
Вы молчаливы предо мной!
Ахъ! познаю ужасну тайну:
За легковѣрность чрезвычайну
Вы повели меня тропой
Колючей, узкой, безотрадной,
Гдѣ я, съ душей къ покою жадной,
Страшилищь повстрѣчалъ однихъ,
Тогда какъ жребій дней моихъ
Извлекъ безжалостно изъ урны
Потери горестной дни бурны —
Потери лютой для отца;
Тогда какъ свѣтлаго вѣнца
Лишилась для меня Природа,
Печаленъ міръ, скучна свобода,
И люди . . . . призракъ лишь въ очахъ;
Тогда какъ будущаго страхъ
Смѣнилъ сердечны упованья,
И отнялъ всѣ очарованья
На тяжкомъ жизненномъ пути!
Ахъ! щастливымъ ужь быть не можно,
Когда сказать невольно должно
Мечтѣ о радостяхъ: прости!

Измѣнницы! вы сердца муки
Могли бы облегчить еще!
Какъ гибнущій пловецъ, къ вамъ руки
Я простиралъ на брегъ — вотще!
Мой чолнъ, кидаемый волнами,
Введенъ не будетъ въ пристань вами
И погрузится вскорѣ онъ

На дно твоей пучины, Лета! . . .
Разбита призма, прерванъ сонъ
И въ страшномъ образѣ скелета
Явилась истина очамъ! . . .

Такъ! въ юности, всегда готовой
Мечтою обольщаться новой,
Былъ щастьемъ долженъ, Музы, вамъ
Питомецъ вашъ разобольщенный! . . .
Свѣтильникъ щастія угасъ! —
Простите! больше уже васъ
Не жду подъ кровъ уединенный!

Стран.

XXX. Къ портрету N. N. 56
XXXI. Къ Княгинѣ Вѣрѣ Федоровнѣ Вяземской, на рожденіе дочери Надежды. 57
XXXII. Благотвореніе. - - 59
XXXIII. Къ бюсту Петра Великаго. - - - - - 62
XXXIV. Въ альбомъ Нины. - 63
XXXV. Элегія на кончину К. Д. Д. Циціанова. - - 64
XXXVI. Посланіе къ К. П. А. Вяземскому. - - - 67
XXXVII. Къ И. И. Дмитріеву. (Въ день рожденія 10 го Сентября). - - - - 69
XXXVIII. Къ незабвенной дачѣ. - 70
XXXIX. Къ А. А. Прокоповичу-Антонскому. (По прочтеніи книги его о воспитаніи). - - - - 71
XL. Стихи на Новый 1821 й годъ. - - - - - 01
XLI. Доводъ. - - - - 75
XLII. На день рожденія перьвенца моего, шестилѣтней дочери. - - - 76
XLIII. Надпись къ надгробному камню незабвеннаго младенца. - - - - 77
XLIV. Желаніе. - - - 78
XLV. Къ портрету Б*** - 79

Стран.

XLVI. Отвѣтъ на Посланіе Софьи Петровны Б.-П . . . й 80

XLVII. Отвѣтъ на ея же Посланіе, въ которомъ называетъ она себя младенцемъ относительно къ своему стихотворческому дарованію. - - 81

XLVIII. Къ Пѣвцу Волги. - - 83

XLVIX. Къ портретамъ. - - 84

L. Благодарность К*** А*** П*** О . . . му. - - 86

LI. Золотой треножникъ. - 87

LII. Пророчество. (На критическій разборъ нѣкоторыхъ стихотвореній.) - 89

LIII. Къ портрету Автора Поэмы: Освобожденная Москва. - - - - - 90

LIV. Эпитафіи. - - - 91

LV. Къ Александринѣ В***. (При посылкѣ сочиненій К. Н. Батюшкова.) - - 92

LVI. Къ Полинѣ. - - - 93

LVII. Басни. - - - - 94

LVIII. Надпись къ статуѣ Амура. 96

LIX. Къ N. N. На его стихи Вѣчность. - - - 97

LX. Къ портретамъ. - - 98

LXI. Къ П*** И*** Б . . . й. - 99

LXII. Эпитафія П*** А*** П***. 101

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. Посланіе къ Государственному Канцлеру, Графу Николаю Петровичу Румянцову, знаменитому Патріоту. - - - - 9

II. На день рожденія ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ. - - - - - 16

III. Элегія на кончину Павла Григорьевича Демидова. - 17

IV. Къ Б. К. Бланку. (Въ день Святаго Крещенья). - - 20

V. Стихи на Новый 1820 й годъ. - - - - - 21

VI. Басни. - - - - 23

VII. Къ Исторіографу Имперіи на поднесенную ему золотую медаль въ Россійской Академіи. - - - - 27

VIII. На игру воспитанниковъ Благороднаго Университетскаго Пансіона. - - 28

IX. Къ Доктору - Писателю, К. А. Бриль-Крамеру. - 30

X. Моралистъ. - - - 31

Стран.

XI. Отвѣтъ пріятелю, требовавшему мнѣнія моего о сочиненіяхъ одной изъ нашихъ Стихотворицъ, которую называетъ онъ Невской Сафою. - - - 32
XII. Рѣдкое искуство. - - 35
XIII. Къ Д. П. Шелехову. - - 34
XIV. Къ Сочинителю Поэмы: Освобожденная Москва. - 35
XV. Къ нѣмой красавицѣ. - 36
XVI. Къ пѣвицѣ Боргондіо. - 39
XVII. Эпитафія М. Ф. Ленской. 40
XVIII. Къ портрету К*** К*** С*** Г . . . й. - - - 41
XIX. Возраженіе. - - - - 42
XX. Къ О*** М*** С. . . . й. (Въ день ея рожденія, Мая 14.) - - - - 43
XXI. Отвѣтъ. - - - - 44
XXII. Эпитафія младенцу. - 45
XXIII. Благій совѣтъ. - - - 46
XXIV. Отреченіе. - - - - 47
XXV. Къ моему безвѣстному Критику. - - - - 58
XXVI. Къ госпожѣ Каталани. - 49
XXVII. Разлука. Романсъ. - - 50
XXVIII. Къ Алинѣ, очинившей мнѣ перья. - - - - 52
XXIX. Къ П. Ф Балку-Полеву, сказавшему, что я похожъ на Шатобріана. - 54

ОШИБКИ.

Стран.	Стр.	*Напечатано:*	*Должно:*
34	1	С	К
35	18	ПоетЪ	ПоэтЪ
36	3	размышлепьямЪ	размышленьямЪ
43	4	Флоры	Флоры,

Стран.

LXIII. Къ И*** И*** Д***. (При полученіи въ подарокъ его сочиненій.) - - 102
LXIV. На дѣтской спектакль. 103
LXV. Къ М*** А*** С . . . й. 104
LXVI. Майской вечеръ. - - 105
LXVII. Къ портрету Генерала Дохтурова. - - - 107
LXVIII. Къ прелестной. - - 108
LXIX. Къ портрету Фрейлины С*** Н*** К. . . . й. - 109
LXX. Къ госпожѣ Шимановской. - - - - - 110
LXXI. Романсъ. - - - - 111
LXXII. Ахъ, какъ она мила! - 113
LXXIII. Стихи въ альбомъ. - 115
LXXIV. Къ ней. - - - 116
LXXV. Истина. - - - 117
LXXVI. Совѣтъ Комику****. - 118
LXXVII. Къ портрету В. Л. Пушкина, писанному его племянницею. - - 119
LXXIII. Логика свѣта. - - 120
LXXIX. Короткой отвѣтъ пріятелю-Литтератору на вопросъ, для чего я прощаюсь съ Музами. - - 121
LXXX. Гимнъ молчанію. - - 122
LXXXI. Элегія. - - - - - 125

ИМЕНА ПОДПИСАВШИХСЯ ОСОБЪ.

Въ Москвѣ.

Елисавета Львовна Сонцова.
Ольга Матвѣевна Сонцова.

Ихъ Высокопревосходительства:

Степанъ Степановичь Апраксинъ.
Иванъ Ивановичь Дмитріевъ.

Ихъ Превосходительства:

Денисъ Васильевичь Давыдовъ.
Дмитрій Васильевичь Измайловъ.
Антонъ Антоновичь Прокоповичь-Антонскій.
Алексѣй Федоровичь Малиновскій.

Ихъ Сіятельства:

Князь Петръ Андреевичь Вяземскій.
Князь Егоръ Ивановичь Аваловъ.
Князь Петръ Дмитріевичь Циціановъ.
Графъ Федоръ Ивановичь Толстой.
Василій Львовичь Пушкинъ.
Николай Дмитріевичь Иванчинъ-Писаревъ.
Платонъ Петровичь Бекетовъ.
Петръ Александровичь Курбатовъ.
Алексѣй Федоровичь Мерзляковъ.

Степанъ Петровичь Жихаревъ.
Степанъ Дмитріевичь Нечаевъ.
Николай Сергеевичь Сафоновъ.
Дмитрій Петровичь Глѣбовъ.
Сергей Ивановичь Тургеневъ.
Левъ Карловичь Зандмаркъ.
Степанъ Дементьевичь Ухинъ.
Василій Семеновичь Раевскій.
Петръ Михайловичь Головинъ.
Петръ Яковлевичь Чаадаевъ.
Сергей Александровичь Соболевскій.
Федоръ Михайловичь Безобразовъ.
Павелъ Федоровичь Степановъ.
Павелъ Ивановичь Ивановъ.
Александръ Петровичь Ключаревъ.
Михайла Ивановичь Титовъ.
Дмитрій Потаповичь Шелеховъ.
Александръ Абрамовичь Волковъ.
Иванъ Михайловичь Снегиревъ.
Иванъ Кондратьевичь Сахаровъ.

Въ С. Петербургѣ.

Его Сіятельство, Графъ Дмитрій Ивановичь Хвостовъ.
Его Превосходительство Василій Михайловичь Поповъ.
Неизвѣстный.
Василій Ивановичь Козловъ.

Въ Орлѣ.

Его Сіятельство, Графъ Сергей Михайловичь Каменскій.

Въ Тулѣ.

Петръ Семеновичь Кондорскій.

Въ Харьковѣ.

Борисъ Егоровичь Герсевановъ.

Въ Липецкѣ.

Борисъ Карловичь Бланкъ.

Въ Рязани.

Михайла Николаевичь Макаровъ.

Въ Варшавѣ.

Г. Капитанъ Габбе.

БУКИНИСТЪ В. КЛОЧКОВЪ
С.П.Б. ЛИТЕЙНЫЙ ПР. 55.
LIBRAIRE V. KLOTSCHKOFF.
S^T PETERSBOURG LITEINAJA 55.

2
D

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066

LIBRARY OF CONGRESS

0002529466A